

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

О ЛИТЕРАТУРНЫХ
МИСТИФИКАЦИЯХ, ПО СЛУЧАЮ
НАПЕЧАТАННОГО В 5-Й
КНИЖКЕ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»
ВТОРОГО И ПОДЛОЖНОГО
РАЗГОВОРА МЕЖДУ
КЛАССИКОМ И ИЗДАТЕЛЕМ
«БАХЧИСАРАЙСКОГО
ФОНТАНА»

Петр Андреевич Вяземский
О литературных
мистификациях, по случаю
напечатанного в 5-й книжке
«Вестника Европы» второго
и подложного разговора
между Классиком и Издателем
«Бахчисарайского фонтана»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24500892

Аннотация

«С некоторого времени мистификации вошли в моду в кругу нашей литературы, и бедные читатели, сущие жертвы авторских проказ, не знают, кому и чему верить. Созии расплодились!..»

Содержание

О литературных мистификациях, по случаю напечатанного в 5-й книжке «Вестника Европы» второго и подложного разговора между Классиком и Издателем «Бахчисарайского фонтана»

С некоторого времени мистификации вошли в моду в кругу нашей литературы, и бедные читатели, сущие жертвы авторских проказ, не знают, кому и чему верить. Созии расплодились! Г-н Н. Д.¹, прославившийся на поприще театральной критики *готовностью* говорить о драматическом искусстве и который между тем в ожидании вдохновения, следуя пословице, просидел *на посуле как на стуле*, или, правильнее, *на креслах театральных*, напоминающих нам на этот раз

---

¹ См. в «Вестнике Европы» «Московские записки».

усыпительную силу кресел Французской Академии², брался несколько раз быть Созием *Жофруа*, но не собрался с силами; там *Аристотелид* затейливо разыграл роль Н. Д. Но Н. Д. вступился за лицо свое и с аттическим остроумием, ему свойственным, обличил дерзновенного Созия; но в слепоте гнева не распознал его и ввел читателей в обман, принеся на жертву негодование моему невинного вместо виноватого. Зрителями ожидается еще развязка этой шутки, как вдруг «Вестник Европы», также порядочный мистификатор в своем роде, выводит на сцену новую мистификацию, нарядив кого-то в Издатели «Бахчисарайского фонтана» и пустив его в разговор с Классиком, себе споручным.

За обязанность поставляю вывести из заблуждения легковверных читателей, удостоверив их, что я, нижеподписавшийся, законный и единственный Издатель «Бахчисарайского фонтана», не имел никогда разговора, подобного напечатанному в 5-й книжке «Вестника Европы», и отроду иметь не мог, да и впредь иметь не могу, потому что я свойства нетерпеливого.

Признаюсь откровенно, что с первых приемов мнимого моего собеседника поворотился бы я к нему спиною, оста-

---

² Пирон в одной эпиграмме говорит: En France on fait par un plaisant moyen Taire un auteur, quand d'ecrit il assomme. Dans un fauteuil d'acadèmicien Lui quarantième, on fait asseoir cet homme. Lors il s'endort et ne fait plus q'un somme. Во Франции есть забавное средство Заставить молчать автора, докучающего своими писаниями. Его усаживают сороковым В академические кресла. Тогда он засыпает и лишь спит. (фр.)

вя дальнейшие возражения, ибо не умею выносить хладнокровно пустословия, в особенности же того, которое даже и не облечено в вежливость общежительной образованности.

Для большего удостоверения в подлоге того разговора замечу, что классиков, каковы Классик моего предисловия и Классик «Вестника Европы», везде много; что классик – имя *нарицательное*; что не определено у меня, с которым из них входил я в речь; но что *Издатель «Бахчисарайского фонтана»* есть лицо определенное, и, следовательно, в отношении к нему не может быть недогадки. Впрочем, если захотеть, то можно бы легко и к *лицу без образа «Вестника Европы»* применить черты знакомые. Оно классическое лицо укоряет меня в *молодости*: это давняя замашка! Уже не в первый раз, за недостатком лучших возражений, называли своих противников *недоучившимися студентами, детьми, незадолго пред сим вышедшими из-под ферылы*. Что ни говори, а подобные упреки живо отзываются бессильною злобою и желчью пожилого педагога, который гневается, что ученики переросли учителей и что дарования первых процветают, когда слава других, как баснословное предание, ветшает с каждым днем. Наш новый мистификатор в прозорливом всеведении своем знает и то, что я не учился ни в каком университете. Учиться в университетах – хорошо, но не довольно: можно не только, *учившись, ничему не выучиться*, но мы видим примеры, что можно даже и *учить*, ничего не зная основательно.

Главным и единственным побуждением моим было изоб-

личить подлог разговора, напечатанного в «Вестнике Европы», а потому не войду в исследование всех несообразностей, сказанных и Классиком, и мнимым Издателем. Мое дело было только отклонить от себя худую славу; но предоставлю пользоваться ею безмятежно, кому принадлежит она по праву. К тому же зачем указывать на то, что явно и что так торжественно оправдывает мнение, изложенное в предисловии к «Бахчисарайскому фонтану», что *«если из всего сказанного и пересказанного в журналах наших насчет романтических опытов выключить грубые личности и пошлые насмешки, то, без сомнения, каждый легко уверится, что мой собеседник под пару своими журнальным клеветам»*. Кстати, однако же, приходится здесь заметить невинное признание Классика «Вестника Европы» и приятелей его (ибо у него нет приятелей³), что Классик моего предисловия – *совсем не классик!* – Слава Богу, что догадались! А конечно, он не классик в истинном значении, достойный уважения; но классик в превратном смысле, достойный осмеяния! И потому-то портрет похож на свои подлинники, и потому-то у одного из подлинников, который, как видно, подогадливее, или пооткровеннее других, вырвалось невольное признание: «Да это я!» То ли дело попасть на людей понятных и прозорливых! Они постигают вас на лету. Позволю себе еще одно замечание. Классик «Вестника Европы» *уверяет, что для мо-*

---

³ Подтверждаем с своей стороны, что издатель «Вестника Европы» не пишет таким образом этого слова.

его разговора публика долго ждала «Бахчисарайского фонтана». Жаль, что издатель «Вестника Европы», ординарный профессор Московского университета Михаил Трофимович Каченовский, не был третьим при этом *втором разговоре*: с благородною откровенностию, свойственною честному человеку, он лучше другого мог бы изъяснить своему Классику истинные причины, несколько замедлившие появление моего разговора, а с ним и «Бахчисарайского фонтана».

Не желая с своей стороны подавать новых поводов к продолжению мистификаций и между тем почитая обязанностью человека с честью оградить себя от неприятного принуждения отвечать иногда не так, как бы следовало; одним словом, боясь под щитом анонима неустрашимой храбрости безыменных противников, принужденным нахожусь объявить себя издателем «Бахчисарайского фонтана».

Князь Вяземский.

Москва, 27-го марта 1824 г.